
ПОЛИТОЛОГИЯ

E. A. Королев

КРИЗИС ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ КАК ФАКТОР ОГРАНИЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Анализируется явление кризиса российской партийной системы, который характеризуется ограничением степени политического плюрализма. Результаты выборов в Государственную думу в 2011 году и реформирование избирательного законодательства позволяют сделать вывод о складывающейся олигополистической партийной системе России. Автор рассматривает причины снижения роли партий в решении насущных государственных и общественных проблем и приходит к выводу, что на смену партийным образованиям приходят различные группы интересов, гражданские образования, которые берут на себя выполнение традиционных функций политических партий.

Ключевые слова: политическая партия, кризис партий, политический плюрализм, избирательное законодательство, политическая олигополия, группа интересов.

E. Korolev

Crisis of Party System as a FACTOR Constraining Political Pluralism

In this paper the phenomenon of the crisis the Russian party system is analyzed. That phenomenon is characterized by the limited extent of political pluralism. The results of the elections to the State Duma in 2011 and the reform of electoral laws give evidence of a prevailing oligopolistic party system in Russia. The reasons for reducing the role of the parties in resolving the government and society pressing problems are analyzed, and a conclusion is drawn that party formations are replaced by various interest groups, civic formations that take on the performance of the traditional functions of political parties.

Keywords: political parties, party crisis, political pluralism, electoral laws, political oligopoly, interest group.

Современная российская партиома (совокупность социального, избирательного, парламентского, правительенного и информационного уровней партийной конкуренции) характеризуется ограничением степени плюралистичности. Российские партии не отвечают разнообразным требованиям и запросам избирателей. Они перестают

выполнять важнейшие функции, связанные с представительством интересов социальных групп, с формулированием альтернативных политических курсов и с обеспечением контакта общества и органов власти [6, с. 87].

Общество не рассматривается властью в качестве потенциального и равноправного

политического субъекта. Зачастую государство стремится стать единоличным политическим игроком, заключая с народом своеобразный «общественный договор», суть которого состоит в обмене социальных благ на политическую «стабильность». Политика становится узкопрофессиональным занятием, а политики предпочитают не впускать в свой элитный клуб избирателей, отводя последним незначительную роль. «Демократия приобретает элитарные измерения. Народ, массы низводятся до уровня избирателя, их роль сводится к праву голоса раз в три или четыре года» [3, с. 45].

Исследователи отмечают отсутствие в России традиции ответственности и подконтрольности власти обществу, в том числе через СМИ, традиции постоянного участия власти в открытых коммуникациях: «Практически не слышно её отклика на апелляции к ней в СМИ со стороны журналистов или аудитории» [8, с. 44]. Многочисленные открытые письма и обращения граждан на страницах печати остаются безответными.

Партийные структуры, всё быстрее двигаясь в сторону государства, одновременно всё дальше стали отстраняться от общества. Вопросы преемственности в своей деятельности и реформ, направленных на её обеспечение, стали для партий и правительства важнее решения тех проблем, которые нарезают в стране.

Именно государственные органы власти и партии первыми перестали быть теми площадками, через которые люди могли бы что-то изменить. Последние, встречая в государственных структурах привычное недопонимание и волокиту, перестали отдавать забюрократизированные органы власти от таких же недоступных и бесполезных партийных ячеек.

Попыткой изменить сложившееся положение вещей со стороны власти стало создание так называемых «общественных приёмных» президента и партии «Единая Россия». Их работа была подвёрстана под вы-

боры в Государственную думу 2011 года и ограничилась микроскопической помощью отдельным обездоленным жителям. Это позволяет сделать вывод о том, что структуры приёмных были всего лишь элементом предвыборной рекламы. Они могли бы стать реальной площадкой для решения жилищных, коммунальных и социальных проблем граждан, но на деле стали составной частью пиар-кампании. Не пожелав решать насущные вопросы системно, власть смогла обеспечить только так называемое «ручное управление» в случае единичных и индивидуальных катализмов с целью саморекламы.

Российская партиома не выполняет функцию обратной связи, что, в свою очередь, служит дестабилизации цепочки «гражданское общество — партии — государство» в целом.

Кризису партийной системы также способствует невозможность партий и государственных институтов выполнить все обещания, розданные группам интересов за годы правления. Согласно теории перегрузки, правительства расширяют свои задачи, но в итоге выясняется, что задачи не могут быть выполнены [9]. В данную схему вписываются и политические партии, которые в поисках новых сторонников обещают избирателям всевозможные льготы и пособия, но после выборов оказывается, что они не в состоянии выполнить свои обещания. Очередным подтверждением теории перегрузки послужили предвыборная думская кампания в 2011 году и президентская — в 2012 году.

Уровень партийного кризиса и ограничения степени политической конкуренции можно проследить на основе ряда концепций в рамках теории партий. Например, Жан Блондель выделяет три партийные системы по признаку количества голосов избирателей, которые получили партии:

- однопартийная система существует там, где одна и та же партия регулярно набирает более 65% голосов;

- двухпартийная система образуется, если две наиболее влиятельные партии регулярно получают вместе более 75% голосов, при этом каждая — не более 65%;

- многопартийная система существует, если две наиболее влиятельные политические партии набирают вместе менее 75% голосов [10].

На последних выборах в Государственную думу, прошедших в 2011 году, согласно официальным данным (<http://www.vybory.zbirkom.ru/>) больше всего голосов получили партия «Единая Россия» (49,31%) и Коммунистическая партия Российской Федерации (19,19%) — в совокупности 68,5%. На парламентских выборах в 2007 году за «Единую Россию» проголосовали 64,30%, за КПРФ 11, 57% (общий результат двух партий — 75, 87%).

Результаты обеих партий только на предпоследних выборах набрали в сумме 75%. «Единая Россия» не набирает регулярно 65% голосов, вместе с КПРФ они лишь однажды преодолели планку в 75%. Таким образом, согласно концепции Блонделя, партийную систему России можно назвать многопартийной. Однако вряд ли только количественные показатели могут определять степень многопартийности.

Рассел Далтон, в свою очередь, предлагает учитывать принципиальное различие между состязательными партийными системами, которые пытаются, прежде всего, выстроить электоральную поддержку, и неконкурентными авторитарными партиями, которые стремятся управлять обществом. К состязательным партийным системам учёный относит консенсусную, конфликтную и примирительную модели. В конфликтной партии «сильно расходятся между собой по принципиальным вопросам либо враждебно настроены по отношению друг к другу, как происходит, например, в России. В подобных системах — нестабильность, плохое исполнение правительством своих функций и утрата доверия граждан к демократии, отчуждение их от поли-

тиki. Тенденцию к воспроизведству подобного курса обнаружила недавно возникшая партийная система в России» [11]. Вслед за Далтоном мы относим отечественную партийную к состязательной конфликтной системе, которой не хватает опоры на массовую электоральную поддержку и поиска консенсуса в рамках теории плюрализма.

Уровень партийной конкуренции мы можем также структурировать по концепции порогов, выдвинутой Липпсетом и Рокканом:

- 1) порог легитимации, учитывающий, отвергаются или принимаются права на петиции, критику и оппозицию;

- 2) порог объединения (инкорпорации), который отражает, получают ли гражданские права все участники или только представители правящих партий;

- 3) порог представительства, учитывающий возможность самостоятельного представительства для нового движения или необходимость его присоединения к состоявшимся партиям;

- 4) порог мажоритарного правления, дающий представление о том, имеются ли сдержки и противовесы правлению большинства, т. е. возможна ли победа новой партии, несущей изменения системе.

Эти пороговые воздействия в разных комбинациях формируют различные партийные системы:

- зарождающиеся закрытые партии из разрозненных клик уважаемых людей и клубов известных политиков;

- закрытые партийные системы из начинаящих «прорастать» в гражданское общество парламентских фракций, образующих при избирательных участках регистрационные общества;

- внешние системы из зарождающихся массовых партий, стремящихся извне, из гражданского общества, пройти в парламент, закрепиться в государственных структурах;

- состязательные партии, обеспечивающие равенство возможностей для разных партий [2, с. 280].

Партиома России частично проходит через порог легитимации (оппозиция и критика не подавляются властью, при этом основные площадки (государственные телеканалы) для выражения критики для оппозиции закрыты), частично через порог объединения (гражданские права получают не только представители правящих партий), отчасти через порог представительства (возможность представительства для нового движения) и также частично через порог мажоритарного правления (невозможна победа новой партии, несущей изменения системе, но зарождаются механизмы регулирования власти большинства). Учитывая эти условия, мы относим российскую партийную систему к зарождающейся закрытой партиоме, состоящей из олигархических структур и элитных групп. Одновременно мы наблюдаем тенденцию начинающегося перехода на следующий уровень, когда с этими группами начинают конкурировать гражданские образования.

Неполное прохождение порога объединения позволяет говорить о том, что сложившееся за последние годы в России партийное строительство привело к появлению монополистической системы, при которой будущее партий зависит от одной политической силы.

Благодаря тому, что партия власти «Единая Россия» имеет преференции во время избирательных кампаний и получает самое полное освещение своей деятельности в государственных СМИ, её представители обладают подавляющим большинством голосов в федеральном и региональных парламентах. Администрация Президента предприняла неудачную попытку создать в стране двухпартийную систему, но «Справедливая Россия» в итоге оказалась лишь побочной партией, подконтрольной тем же политическим субъектам, что и «Единая Россия». Большинство партий либо не получили возможности быть представленными в парламентах, либо не были допущены даже к регистрации вследствие драконов-

ских поправок в закон «О выборах депутатов Государственной думы Федерального Собрания». Оппозиционные КПРФ и ЛДПР оппозиционны лишь в той мере, которая позволяет их лидерам второй десяток лет заседать в Государственной думе.

Если бы с «Единой Россией» действительно боролись самостоятельные партии, а не спарринг-партнёры, как их иногда называют, выборы в Государственную думу 2011 года могли бы стать решающим фактором в остром вопросе политической конкуренции. КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» могли бы избрать технологию бойкота несправедливых, по их мнению, результатов (некоторые члены этих партий грозились отказаться от мандатов), но после участия в митингах протesta они спокойно приняли предложенные правила игры и вселились в комфортные депутатские кабинеты. Тем самым партии, представленные в Государственной думе, продемонстрировали свою зависимость от власти и решили стать участниками парламента, степень легитимности которого оспаривается в обществе. Протестуя против результатов выборов, они в итоге сами признали эти результаты.

Партии, в 2011 году избранные вместе с «Единой Россией» в новый парламент, прошли туда в том числе на волне электорального протesta против партии власти. Неожиданно высокий результат «Справедливой России» можно объяснить только тем, что избиратели голосовали за партии, которые строили свою предвыборную программу, как оппозиционную по отношению к «Единой России».

Часть партологов относит нынешнюю российскую партиому к типу монополистической конкуренции. «Партийная система монополистической конкуренции, складывающаяся в России, под воздействием прежде всего внутренних причин должна эволюционировать в сторону олигополистической партийной системы» [1, с. 242]. Учитывая итоги новых выборальных циклов и активное реформирование избирательного

законодательства, мы можем сделать вывод о том, что российская партиома уже стала на путь олигополистической системы.

Доказательством этой гипотезы служат результаты проведённого нами контент-анализа результатов выборов в Государственную думу 2007 и 2011 годов, в рамках которого было посчитано количество новых и старых партий, которые принимали участие в выборах в последние выборальные циклы, степень входа в систему и выхода из неё [4]. Анализ данных показателей позволил доказать резкую динамику снижения появления на политическом поле новых партий. К 2007 году число партий, принимавших участие в выборах, значительно уменьшилось. К 2011 году среди них в основном остались лишь те, что способствовали или не мешали процессу преемственности власти.

Очередные изменения в закон «О политических партиях» 2012 года уже сказались на количественном увеличении числа зарегистрированных партий. К очередным выборам число партий возрастёт, но норма их проникновения в парламентское поле вряд ли станет определяющей для окончательного расклада политических сил, так как законом созданы условия только для упрощения процедуры регистрации партий.

На наш взгляд, российскую партиому нельзя отнести к типу монополистической конкуренции, так как при общем доминировании одной партии российская партийная система всё же подразумевает и допускает существование других партий, порой активно противостоящих партии власти. Все признаки и вышеупомянутые показатели позволяют нам назвать российскую партиому политической олигополией, под которой политологи подразумевают структуру политического рынка с относительно небольшим числом партий и ограниченным доступом к рынку новых партий [7, с. 22].

Сложившаяся система по результатам выборов в Государственную думу в декабре 2011 года привела к массовому недовольст-

ву жителей России. Общество устало от монополии партии, которая современной властью противопоставлена принципу плюралистичности.

Кризис партий мы объясняем тем, что их функциональную основу составляют интересы не гражданского общества, а лишь отдельных его частей — элитных группировок, органов власти, конкретных личностей.

Как ответ на подобное препятствие модели плюрализма появляются новые политические игроки, представляющие гражданский сектор. Полвека назад М. Маклюэн уже отмечал, что «по мере увеличения скорости информации политика всё более отходит от представительства и делегирования полномочий избирателями к непосредственному вовлечению нового сообщества в централизованные акты принятия решений» [5, с. 230]. В этом свете представляется актуальным вопрос об активизации общественных групп интересов. Последние перенимают те функции, которые должны были бы выполнять, но не выполняют партийные образования.

Ослабление роли партий в решении насущных государственных и общественных проблем проявляется в том, что на смену партиям приходят институты гражданского общества, в том числе независимые средства массовой информации этих институтов, в особенности, сетевые издания. И в политическом, и в медийном пространстве всё более заметна антропоцентричность — когда решения принимаются не безликой политической партией, а известным политиком или общественным деятелем, когда аудитория прислушивается не к мнению редакции, а к точке зрения известного журналиста. Конкретные люди берут на себя роль не просто посредников в политических конфликтах, но и их активных участников. Политики, в свою очередь, используют своих знаменитых сторонников в качестве аргумента для избирателей. Но чаще всего «избранные»

предпочитают не связывать себя с конкретными политическими партиями, занимаясь проблемными вопросами только в силу своих интересов и компетенции.

Сторонники плюралистических теорий в политологии уделяют значительное внимание феномену групп интересов, который определяет роль отдельных граждан в принятии политических решений. Наличие многочисленных групп интересов противостоит тенденции концентрации власти в руках правительственные чиновников и партийных функционеров.

Существование конкуренции между интересами различных групп или фракций является жизненно важным условием демократии, поскольку власть при этом делится между группами, не давая возможности какой-либо одной группе или классу приобрести исключительное влияние. Кризис олигополистической партийной системы России напрямую влияет на активизацию социальных партий (гражданских групп интересов), которые вместо традиционных политических институтов расширяют пространство политического плюрализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов М. В. Формирование в России «неклассической» партийной системы // Феномен много-партийности в российском обществе. Саратов, 2006. 242 с.
2. Исаев Б. А. Теория партий и партийных систем. М., 2008. 280 с.
3. Коваленко В. И. Парламентаризм и прямая демократия: противоречия и взаимосвязи // Демократия в современном мире: Сб. ст. / Под общ. ред. Я. А. Пляиса и А. Б. Шатилова. М., 2009. 45 с.
4. Королев Е. А. Политическая олигополия как результат изменений избирательного законодательства [Электронный ресурс]: Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1; URL: www.science-education.ru/107-8237 (дата обращения: 04.02.2013).
5. Маклюэн М. Понимание медиа. М., 2011. 230 с.
6. Михалева Г. М. Российские партии в контексте трансформации. М., 2009. 87 с.
7. Сморгунов Л. В. Теоретические вопросы политического менеджмента // Политический менеджмент: электоральный процесс и технологии / Под ред. Л. В. Сморгунова. СПб., 1999. 22 с.
8. Фомичёва И. Д. Социология СМИ. М., 2007. 44 с.
9. Brittan S. The economic contradictions of democracy // British Journal of Political Science. 1975. № 15.
10. Blondel J. The nature of party government: a comparative European perspective. New York, 2000.
11. Dalton R.J. Parties without partisans: political change in advanced industrial democracies. Oxford, New York, 2000.

REFERENCES

1. Danilov M. V. Formirovanie v Rossii «neklassicheskoy» partijnoj sistemy // Fenomen mnogopartijnosti v rossiskom obshchestve. Saratov, 2006. 242 s.
2. Isaev B. A. Teorija partij i partijnyh sistem. M., 2008. 280 s.
3. Kovalenko V. I. Parlamentarizm i prjamaja demokratija: protivorechija i vzaimosvjazi // Demokratija v sovremennom mire: Sb. st. / Pod obshchej red. Ja. A. Pljajsa i A. B. Shatilova. M., 2009. 45 s.
4. Korolev E. A. Politicheskaja oligopolija kak rezul'tat izmenenij izbiratel'nogo zakonodatel'stva [Elektronnyj resurs]: Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2013. № 1; URL: www.science-education.ru/107-8237 (data obrashchenija: 04.02.2013).
5. Makljujen M. Ponimanje media. M., 2011. 230 s.
6. Mihaleva G. M. Rossijskie partii v kontekste transformatsii. M., 2009. 87 s.
7. Smorgunov L. V. Teoreticheskie voprosy politicheskogo menedzhmenta // Politicheskij menedzhment: elektoral'nyj protsess i tehnologii / Pod red. L. V. Smorgunova. SPb., 1999. 22 s.
8. Fomichjova I. D. Sotsiologija SMI. M., 2007. 44 s.
9. Brittan S. The economic contradictions of democracy // British Journal of Political Science. 1975. № 15.
10. Blondel J. The nature of party government: a comparative European perspective. New York, 2000.
11. Dalton R. J. Parties without partisans: political change in advanced industrial democracies. Oxford, New York, 2000.